

На правах рукописи

САЛТУГАНОВА Дарья Александровна

**ВАРИАНТНОСТЬ И ВАРИАТИВНОСТЬ ГЛАСНЫХ
В РЕЧИ БИЛИНГВА:
экспериментально-фонетическое исследование**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой
степени кандидата филологических наук

Йошкар-Ола – 2014

Работа выполнена на кафедре межкультурной коммуникации
ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет»

Научный руководитель:	доктор филологических наук, профессор Зорина Зоя Георгиевна
Официальные оппоненты:	Ерофеева Елена Валентиновна доктор филологических наук, профессор ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», заведующий кафедрой теоретического и прикладного языкознания Краснова Татьяна Александровна кандидат филологических наук, доцент ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», доцент кафедры лингвистической типологии и лингводидактики
Ведущая организация:	Государственное гуманитарное научное учреждение при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева»

Защита состоится «04» февраля 2015 г. в 12.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.275.06 при ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп.1, к. 003

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет». Автореферат размещен на официальном сайте Минобрнауки РФ <http://vak.ed.gov.ru> и на официальном сайте ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» <http://v4.udsu.ru/>

Автореферат разослан «___» декабря 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук

О.Б. Стрелкова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Реферируемое исследование посвящено изучению вариантности и вариативности гласных в речи билингва на материале немецкой речи русских, горных и луговых мари.

До настоящего времени вопросы билингвизма рассматривались с позиций, в основном, субстанциональной лингвистики, а исследования билингвизма с точки зрения функциональной лингвистики практически не проводились. Одной из основных проблем лингвистики остается вопрос о том, что представляет собой речь билингва на неродном языке (L2): является ли это некоей третьей языковой системой, реальным автономным языком, или это – подсистема L2, или – отрицание системы как таковой. Остаются открытыми вопросы, почему некоторые билингвы совершают множество фонетических ошибок в речи на неродном языке, однако эта речь понятна носителю языка, и к единицам какого языка относятся звуки, реализуемые билингвом в речи на L2.

Именно с этими проблемами и связана **актуальность исследования**: во-первых, вопросы билингвизма освещаются нами с точки зрения функциональной лингвистики; во-вторых, проблема билингвизма нами рассматривается на новом, ранее не исследованном материале – немецкой речи русских (представителей регионального варианта русского языка), горных и луговых мари; в-третьих, мы являемся свидетелями исчезающего горномарийского языка и неблагоприятного по сохранности лугомарийского языка (по критериям ЮНЕСКО), представители которых являются полными марийско-русскими билингвами. В их речи проявляется практически полная замена марийских согласных и гласных на соответствующие русские звуки. Чистыми марийскими звуками в русской или марийской речи мари остаются только те согласные и гласные, соответствия которым нет в русском языке.

Научный интерес к теме исследования вызван тем, каким образом фонетически и фонологически будет представлена немецкая речь русскими (однойязычными), горными и луговыми мари (марийско-русскими билингвами), языки которых различаются между собой на всех уровнях языковой системы: фонетической, грамматической, лексической, в конечном итоге и когнитивной.

Для решения вышеуказанных проблем нами была изучена специфика реализации звуков немецкого языка представителями разных языковых групп в условиях «искусственного» билингвизма.

Объектом диссертационного исследования являются гласные, реализованные в немецкой речи носителями русского, горномарийского и лугомарийского языков.

Предметом исследования являются особенности реализации гласных в немецкой речи представителей языков разного типологического строя – русских, горных и луговых мари.

Тема и подход к изучению языкового материала определили **цель** исследования, которая заключается в определении модели той или иной функциональной фонетической системы как отражения произносительных возможностей членов данного коллектива при пользовании L2.

В связи с поставленной целью были определены основные задачи исследования:

1) выяснение особенностей аллофонного варьирования, взаимодействия различных дифференциальных и интегральных признаков гласных фонем в немецкой речи носителей русского, горномарийского и лугомарийского языков с помощью слухового и статистического анализа;

2) рассмотрение спектральных картин немецких звуков в реализации русских, горных мари и луговых мари;

3) сопоставление особенностей реализации немецких гласных русскими, горными и луговыми мари;

4) выявление универсальных принципов фонетических изменений при сопоставлении речи разноязыковых билингвов.

Теоретической и методологической основой работы явились труды отечественных и зарубежных ученых-лингвистов в области общей теории языка, общей теории билингвизма: Р.И. Аванесов, Р. Белл, В.Л. Богородицкий, Л.В. Бондарко, У. Вайнрайх, Л.А. Вербицкая, Е.М. Верещагин, Л.Р. Зиндер, А.Е. Карлинский, А.А. Леонтьев, Н.А. Любимова, А. Мартине, Л.Б. Никольский, Г. Пауль, В.Ю. Розенцвейг, А.Н. Рудяков, Н.С. Трубецкой, Л.В. Щерба, Р.О. Якобсон, N. Chomsky, S.M. Ervin, M. Halle, O. Jespersen, E. Oksaar, Ch.E. Osgood, M. Schmidt и др.; теории усвоения языка и порождения речи: Т.В. Ахутина, Л.С. Выготский, А.А. Залевская, В.Б. Касевич, А.А. Леонтьев, D. Jones и др.; общей и частной фонетики и фонологии: Б.А. Абрамов, Л.В. Бобкова, В.Л. Богородицкий, Л.П. Грузов, З.Г. Зорина, О.Г. Козьмин, Е.И. Коведяева, М.И. Матусевич, О.А. Москальская, О.А. Норк, Г.А. Сулемова, Л.В. Щерба, Т.Н. Alan, O. von Essen, K. Kohler, E.-M. Krech, J. Mayer, G. Meinhold, M. Mangold, M. Philipp, R. Rausch, H. Reetz, G. Ungeheuer, O. Werner и др.

В основу работы положены следующие концепции и теории:

– речь билингва на L2 – это не «третья» языковая система, а представление языковой системы L2 (Л.В. Щерба, А.Е. Карлинский, Е.М. Верещагин, З.Г. Зорина);

– концепция функционального подхода в рассмотрении языковых явлений и процессов в речи билингва на L2 с учетом примата функции, а не субстанции.

В ходе анализа теоретического и экспериментального материала была сформулирована **рабочая гипотеза**: существуют модели L2, образованные в условиях «искусственной» языковой среды и порожденные особенностями усвоения неродного языка представителями разных языковых групп. Данные модели позволяют рассматривать язык билингва на L2 как репрезентацию фонологической системы L2. Механизм понимания звучащей речи билингва на L2, механизм отождествления «просто звука» с семиотически предназначенным звуком основываются не на субстанциональных, а на функциональных тождествах и различиях.

Материалом для исследования послужили:

1) аудиозаписи фонетически представительного текста, а также изолированно произнесенных слов, озвученных носителем языка (женский голос) и испытуемыми – русскими, горными и луговыми мари. Объем материала исследования составляет 180 фраз и 105 изолированно произнесенных слов, что в нормативной транскрипции насчитывает 974 слога, 402 ударных гласных, 789 безударных гласных.

2) информантами выступили студенты 20–21 года, обучающиеся в институте национальной культуры и межкультурной коммуникации Марийского государственного университета. Каждая группа информантов состоит из десяти носителей русского языка, десяти носителей горномарийского языка, десяти носителей лугомарийского языка.

В ходе исследования использовались следующие **методы**: метод наблюдения над языковым материалом, слуховой анализ, акустический анализ, сравнение, синтез, обобщение, описание, аналогия, описательно-сопоставительный метод.

На защиту выносятся **следующие положения**:

1. Идеальное, эталонное, фонемное означающее знака, существующее в языковом сознании, не совпадает с его реальной речевой (произнесенной и услышанной) формой.

2. Для механизма естественного языка значение субстанциональных качеств звукотипа является минимальным. Решающим фактором при окончательном понимании речи являются функциональные качества звукотипа.

3. Каждый язык в силу своей индивидуальной системы (в частности, фонетической) и своих собственных внутренних закономерностей представляет собой единственную в своем роде исключительную базу, свойства которой особым образом отражаются на уровне речепроизводства на L2.

4. Одним из универсальных принципов фонетических изменений при сопоставлении речи разноязыковых билингвов является то, что чем богаче звуковая система родного языка (L1) человека, изучающего L2, тем «легче» ему удастся освоение системы неродного языка (L2).

5. Фонетическая система билингва, относительно свободно владеющего L2, – реальная речевая действительность, представляющая функциональную систему L2, в которой отражены психофизиологические произносительные возможности членов того или иного языкового коллектива, говорящих на L2 в данное время, а не «промежуточная» (или «третья») языковая система.

Научная новизна исследования заключается в описании функциональной картины реализации звуков немецкого языка в условиях искусственного русско-немецкого, горномарийско-немецкого и лугомарийско-немецкого билингвизма.

При этом наше исследование направлено не просто на описание отклонений от норм произнесения, вызванных взаимодействием языков, а на определение функциональных качеств речи искусственного билингва, ибо: «... собственно бытийные свойства осязаемых предметов (молекулярная и атомная структура) (в нашем случае – звуки речи – Д.С.) игнорируются нашим сознанием в пользу прагматически-функциональных потребностей» [Рудяков 2012: 25].

Системообразующим фактором для языка и речевого взаимодействия является понимание. Все многообразие звуков человеческой речи должно быть сведено именно к пониманию как в произношении, так и в восприятии, если даже билингв в реальности воспринимает и произносит субстанционально отличные от осознаваемых звуки. Идеальное, эталонное, фонемное означающее знака, существующее в языковом сознании как носителя языка, так и билингва, не совпадает с его реальной речевой (произнесенной и услышанной) формой.

Установление функционального качества звукотипа, т.е. того, вариантом какой фонемы в данной позиции он является, позволяет осуществить идентификацию речи или, по-другому, перейти на уровень языковой абстракции, в котором могут быть скрыты основы речевых явлений.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что в разработку вопросов общей теории языкознания, билингвистики, социалингвистики, а также теории и методики преподавания языков могут быть заложены следующие положения:

- определение относительной устойчивости фонетической системы речи билингва на неродном языке (L2) как реальной речевой действительности;
- закономерность усвоения неродного языка в условиях «искусственного» языкового окружения заключается в том, что при любом уровне владения билингвом L2 степень нормативности зависит, прежде всего, от фонетической системы его родного языка, а затем и степени усвоения L2.

Практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при изучении проблем функциональной лингвистики, применены при разработке лекций по теории языка, социалингвистике, фонетике немецкого, русского, горномарийского и лугомарийского языков, спецкурсов и семинаров по проблемам языковых контактов. Научный аппарат и приведенный лингвистический материал могут быть использованы при составлении вузовского учебника и методических пособий по фонетике и методике преподавания языков. Кроме того, исследование характера выражения того или иного явления в речи билингвов на L2, имеющих разные базовые (родные) языки, может быть полезным при решении вопросов языковой политики в том или ином регионе.

Апробация результатов: научные и практические результаты были представлены в виде докладов и сообщений на международных, всероссийских, межрегиональных и региональных научных и научно-практических конференциях: научно-практические конференции Марийского государственного университета, Йошкар-Ола: МарГУ, 2011, 2012, 2013, 2014; IX Всероссийская научно-практическая конференция (с международным участием) по проблемам межкультурной коммуникации «Языки, культуры, этносы. Формирование языковой картины мира: филологический и методический аспекты» Йошкар-Ола: МарГУ, 2012; Международная научно-практическая конференция «Современные проблемы гуманитарных и естественных наук» Москва, 2012; Всероссийская научно-практическая конференция «Современные технологии обучения иностранным языкам» и IX Региональная научно-практическая конференция «Международные отношения, связи с общественностью, документоведение и документационное обеспечение управления» Йошкар-Ола: МарГУ, 2013;

студенческая научно-практическая конференция «Современные коммуникативные процессы» Йошкар-Ола: МарГУ, 2013; Международная научно-практическая конференция «Современные направления теоретических и прикладных исследований» Одесса, 2013; I Международный финно-угорский студенческий форум «Развитие студенческих сообществ в современных условиях» Йошкар-Ола: МарГУ, 2013; V Международная студенческая научно-практическая конференция «Актуальные вопросы языковой динамики и методики преподавания иностранных языков» Чебоксары: ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 2013; III Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы романо-германской филологии и преподавания европейских языков в школе и вузе» Йошкар-Ола: МарГУ, 2014; Межрегиональная научно-практическая конференция «Проблемы марийской и сравнительной филологии» Йошкар-Ола: МарГУ, 2014.

Основные теоретические положения диссертации апробированы в процессе проведения спецсеминаров и практических занятий по курсу «Основы языкознания», «Современное языкознание», «Современный немецкий язык. Фонетика» для студентов Марийского государственного университета. Результаты проведенного исследования освещались в выступлениях, докладах на научных семинарах кафедры общей и прикладной лингвистики, кафедры межкультурной коммуникации, кафедры немецкой филологии Марийского государственного университета.

Результаты исследования отражены в 9 публикациях, 3 из них опубликованы в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК РФ: научный журнал «Современные проблемы науки и образования» № 6, 2013; научный журнал «Казанская наука» № 1, 2014; научный журнал «Финно-угорский мир» № 1, 2014.

Диссертационное исследование обсуждалось на расширенном заседании кафедры межкультурной коммуникации Марийского государственного университета (сентябрь, 2014).

Структура диссертационной работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 217 работ отечественных и зарубежных авторов, приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность исследования; раскрываются его научная новизна, теоретическая и практическая значимость; определяются материал, объект и предмет исследования; обосновываются цель и задачи работы; формулируются положения, выносимые на защиту; приводятся сведения об апробации работы.

Первая глава «Вопросы билингвизма» состоит из пяти разделов. В разделе 1.1. «Современные представления о билингвизме» рассмотрение многочисленных исследований по билингвизму с точки зрения разных наук (психологии, социологии, лингвистики) позволило определить следующие аспекты билингвизма:

- психологический аспект, предусматривающий вопросы усвоения, порождения и восприятия речи;
- социальный аспект соотносим с конкретными историческими социальными ареальными условиями. В связи с этим различаем природный (естественный) и искусственный (образовательный или культурный) билингвизм;
- под лингвистическим аспектом мы понимаем отношение систем тех или иных контактирующих языков.

Выделение вышеуказанных аспектов является относительным, ибо билингвизм сам по себе имеет междисциплинарный характер. Несмотря на наличие разных подходов к определению термина «билингвизм», существующие проблемы билингвизма в конечном итоге сводятся к проблемам собственно лингвистическим. Однако, до настоящего времени билингвизм в общем и целом рассматривался не на основе функциональной лингвистики, а субстанциональной (знаковой), сводящейся к описанию соотношения структур и структурных элементов языков.

В последние десятилетия в лингвистике под функциональностью стала пониматься коммуникативность [Вайнрайх 1972, 1979]. В отечественном языкознании функциональный (коммуникативный) подход в рассмотрении билингвизма отражен в работах А.И. Рабиновича, В.А. Аврорина, К.Х. Ханазарова и др. Так, К.Х. Ханазаров утверждает: «о наличии двуязычия мы можем говорить там, где люди владеют вторым языком в степени, достаточной для общения и обмена мыслями с носителями второго языка» [Ханазаров 1972]. Ю.Д. Дешериев и И.Ф. Протченко полагают, что функционально-лингвистический подход к двуязычию «имеет дело с анализом соотношения структур и структурных элементов двух языков» [Дешериев, Протченко 1972: 28]. Однако, анализ соотношения структур и структурных элементов двух языков не показывает реальную языковую картину речи билингва на L2.

По мнению В.Ю. Розенцвейга, полное и свободное владение неродным языком приводит к действию промежуточной системы, становящейся как бы самостоятельным языком, отличающимся от естественного языка наличием систем двух означающих. Изучая соответствия между означаемыми и означающими в русском и французском языках (французская речь носителей русского языка) он находит, что намеченные здесь соответствия представляют третью систему, некоторый язык, где одно и то же означаемое однозначно сопоставлено с двумя означающими [Розенцвейг 1972: 14].

По В.Ю. Розенцвейгу, при субординативном двуязычии третья, промежуточная, система таким же образом должна включать означаемые, общие двум языкам, а также общие правила перехода от них к соответствующим означающим. Однако, следует отметить, что наличие некоторой единой системы предполагало бы и некую единую, в данном случае, слитную семантическую базу. Тогда её знаки также должны быть неизбежно слитыми, но в таком случае как билингв разделяет свои знаки на составные части и порождает не совершенно непредсказуемую мешанину русского и французского, а текст либо на одном, либо на другом языке?

То, что особый код – язык билингва содержит не только элементы и функции по правилам L1 и L2, но и автономные части, отмечалось и другими исследователями (Е. Oksaar, M. Schmidt, и др.). Так, Е. Оксаар предполагает наличие автономности на всех языковых уровнях речи билингва.

К числу тех, кто поддерживает идею так называемого «интер-языка», относится американский ученый Р. Белл. По Р. Беллу, язык билингва, на каком бы этапе его изучения он ни находился, является в такой же мере языком, как и L1 и L2. Р. Белл считает язык билингва уникальной и автономной коммуникативной системой, которая может описываться так же, как «вновь открытый реальный язык вновь открытого народа», – поскольку это именно то, чем он является – язык речевого коллектива со своими собственными правилами, требующими объяснения в своих собственных терминах, а не в плане «отклонения» от какой-либо системы. Р. Белл высказался за признание языка билингва говорящего на L2, автономной языковой системой на основе социально-психологических исследований, обходя стороной лингвистический подход к данному вопросу.

Н.А. Любимова считает, что в речи билингва на L2 существует особая промежуточная фонетическая система, которая является подсистемой данного языка (L2). Она полагает, что в процессе овладения иностранным языком человек осуществляет фонетическое оформление речи и её восприятие на данном языке по «правилам» промежуточной системы, парадигматические единицы которой не тождественны фонемам как первичной, так и вторичной системы. По Н.А. Любимовой, это особые единицы смешанного характера, своего рода многоликие фонемы, отличающиеся свободным варьированием, которые она называет диафонами.

Понятие диафон было предложено Д.Д. Джоунзом наряду с терминами «фонема» и «фон» (речевой звук) для представления «семейств звуков, которые могут замещать друг друга без изменения значения слова». Он интерпретирует диафон как «звук, используемый одной группой говорящих вместе с другими звуками, последовательно замещающими его в произношении других говорящих» [Jones 1964: 53].

У. Вайнрайх полагает, что звуки, порождаемые билингвом, не принадлежат ни одной из контактирующих систем фонем, они как бы находятся на «ничейной полосе». При этом У. Вайнрайх подчеркивает, что эти единицы не представляют новую систему, т.к. это временные, промежуточные звуковые единицы.

Доводы, отрицающие третью систему, приводит А.Е. Карлинский. Он полагает, что так называемая третья система неустойчива у индивида, может изменяться на протяжении жизни человека, тем самым она не может характеризовать языковую систему как общественный феномен.

Е.М. Верещагин вообще исключает возможность существования третьей системы в ситуации билингвизма. Он мотивирует это тем, что «взаимодействие двух навыков не приводит к образованию третьего навыка».

З.Г. Зорина полагает, что третья система невозможна, так как она должна отделяться и от родного языка и от вновь усвоенного, «...восприниматься как самостоятельное образование, когда говорящие не стремятся подражать речи носителей второго, усвоенного ими с «ошибками» языка» [Зорина 1988: 48].

Третья система может возникнуть в случае субстрата – когда языковой коллектив утрачивает образец – нормальную систему L2 и начинает использовать язык L2 с теми отклонениями от его нормы, которые говорящие не сумели устранить. Только в этом случае может возникнуть традиция воспроизведения новой третьей системы, что, однако, является очень длительным историческим процессом [Зорина 1998: 30].

Наши исследования показали, что русско-немецкие, горномарийско-немецкие, лугомарийско-немецкие билингвы в своей немецкой речи производят выбор необходимых для реализации звукотипов, соответствующих системе L1 или системе L2. Кажущийся «смешанный» характер звуков имеет вполне определенные черты, позволяющие описывать их как звукотипы, представляющие основные черты той или другой фонемы того или иного языка. Таким образом, мы можем признать речь билингва на L2 как его компетенцию в L2, т.е. речь билингва на L2 есть не что иное, как представление языковой системы L2 (подразумеваем любую степень владения языком, при которой речь билингва доступна пониманию), а не «интер-язык».

В разделе 1.2. «Виды билингвизма» описываются типы билингвизма, которые связаны с разными взглядами на его природу. Классическими являются виды билингвизма, выделяемые Л.В. Щербой и У. Вайнрайхом в зависимости от соотношенности двух речевых механизмов между собой: субординативный (подчиненный), координативный (координированный) и чистый/смешанный типы билингвизма [Šcerba 1925; Щерба 1945, 1974; Weinreich 1953; Вайнрайх 1979]. Позже исследователи выделили и другие виды билингвизма в зависимости от параметров, целей и аспектов его исследования: 1) рецептивный, репродуктивный, продуктивный; 2) непосредственный, опосредованный; 3) последовательный, подростковый и взрослый; 4) индивидуальный, групповой и массовый; 5) сбалансированный (уравновешенный, полноценный) и несбалансированный (доминантный) – по уровню языковой компетенции билингва; 7) симметричный и асимметричный; 8) односторонний и двусторонний; 9) внутригрупповой и межгрупповой; 10) контактный и неконтактный; 11) национальный; 12) функциональный; 13) начальный – остаточный, прогрессивный – регрессивный; 14) естественный и искусственный.

Задачам нашего исследования в большей степени отвечают определения и классификации Л.В. Щербы, У. Вайнрайха, Е.М. Верещагина, А.Е. Карлинского. Русско-немецкий, горномарийско-немецкий и лугомарийско-немецкий билингвизм характеризуется нами как:

- координативный, сбалансированный, так как отмечается значительное снижение влияния родного языка на продуцирование речи на немецком языке, и билингвы способны в одинаковой степени владеть двумя языками;
- продуктивный, так как наблюдается способность русско-немецких, горномарийско-немецких и лугомарийско-немецких билингвов свободно выражать собственную мысль на обоих языках и вступать в общение, т.е. они свободно владеют как навыками порождения речи на немецком языке (и в устной, и в письменной речи), так и навыками восприятия немецкоязычной речи;
- относительно односторонний;

– относительно контактный, так как на конечном этапе овладения немецким языком не исключена возможность осуществления акта коммуникации билингвов в естественных условиях;

– искусственный, так как в рамках нашего диссертационного исследования рассматриваются вопросы реализации гласных в немецкой речи русских и мари в учебных условиях вуза.

В разделе 1.3. «Порождение речи и усвоение языка» дано описание процессов порождения речи на родном и неродном языке и усвоения языка (родного и неродного). Основные этапы порождения речи условно можно представить следующим образом [Касевич 1977: 151–152]:

– уровень мотивации;

– глубинно-семантический уровень, на котором формируется собственно смысл, еще не опосредованный языком и личностно окрашенный;

– семантический (глубинно-синтаксический) уровень – процесс выражения смысла через знание и осуществление выбора слов и синтаксических конструкций, которые еще далеки от используемых в итоговом высказывании;

– поверхностно-синтаксический уровень, на котором происходит дальнейшая переработка лексико-синтаксических «заготовок» глубинно-синтаксического уровня, и, следовательно, предложение со всеми необходимыми словоформами, порядком слов и т.д.

– фонологический и фонетический уровни, обеспечивающие звуковое оформление речевого высказывания.

При переходе от вышележащего уровня к нижележащему последний определяет набор средств, которые необходимы для решения задачи, поставленной первым уровнем. Например, уровень программ артикуляций, так называемых «фонологических» факторов, действительно принимает участие в грамматическом оформлении речи [Ахутина 1989: 174]. Следовательно, такой поуровневый механизм порождения речи будет универсальным для монолингва и билингва, обуславливающий тем самым владение одной или двумя системами.

Порождение речи непосредственно связано с восприятием сообщения. «Исходной формой речевой коммуникации является звучащая речь, в которой информация физически передается от одного человека к другому в виде звуковых колебаний» [Кодзасов, Кривнова 2001: 18]. Сообщение на пути от говорящего к слушающему проходит целый ряд преобразований, которые касаются и звуковой стороны речевого сообщения. Звуковые преобразования осуществляются особым механизмом, включающим три относительно самостоятельные, но в то же время тесно взаимодействующие подсистемы: *звуковую систему языка* (набор звуковых средств и правил формирования фонетической характеристики высказывания), *речепроизводящую* (совокупность речевых органов и артикуляционно-двигательных навыков) и *речевоспринимающую* (совокупность слуховых органов и перцептивно-фонетических навыков). В словаре знаков, хранящемся в человеческой памяти, информация о звуковой стороне слов и морфем записывается в виде последовательности минимальных звуковых единиц языка – *фонем* [Там же: 25].

В процессе звуковой коммуникации носитель языка пользуется знанием фонемной системы неосознанно. Фонемный символичный код взаимодействует с механизмом артикуляции и механизмом речевосприятия. В процессе говорения строится фонетическая характеристика сообщения, которая является лингвистической программой произнесения. Фонетическая характеристика задается в терминах звуковых символов. При переходе к артикуляции это символическое представление необходимо перевести в двигательную программу, т. е. на «язык» движений речевых органов.

Все звуковые единицы, начиная со звуковых сегментов и кончая большими фонетическими составляющими, имеют сложную внутреннюю структуру, которая в языке является отражением комплексной природы артикуляции и слуховых признаков речи. В целом, фонетическая система представляет собой функциональную систему, которая отражает правила образования, преобразования и комбинирования звуковых единиц.

В разделе 1.4. «Функционализм в реализации фонологической системы в речи билингва на L2» при рассмотрении вопроса функционализма в лингвистике мы придерживаемся взглядов современных лингвистов о понимании фонетики в широком смысле слова, включающей собственно фонетику и фонологию. Под функционализмом мы понимаем примат функции над субстанцией. Роль звукового строя любого языка, в том числе и неродного языка билингва L2, заключается в создании тех или иных комбинаций звуков для формирования своих означающих, «сделать» смыслы: «... а) воспринимаемыми органами чувств человека, б) воспроизводимыми, узнаваемыми» [Рудяков 2012: 92].

Человеческий речевой аппарат способен породить большее количество звуков, чем звуки родного языка. Что касается родного языка, то порождение речи и ее восприятие находятся в тесной связи: «собственно говоря, владение системой звуковых средств как системой функциональных единиц предполагает автоматизирование механизмов порождения речи и максимальное использование вероятности характеристик при восприятии. В условиях искусственного билингвизма обе стороны речевой деятельности не являются полностью автоматизированными, так что тип взаимодействия звуковых систем накладывает существенные ограничения на реализацию звуков, которые могут возникнуть (т.е. «плохое» качество речи на неродном языке не исключает хорошего понимания, а при плохом различении звуков неродного языка произносительные ошибки не обязательны» [Интерференция звуковых систем 1987: 5].

Каждый язык (точнее, каждый коллектив говорящих на данном языке) избирает для себя ограниченное количество звуков в качестве эталонных. Именно из этих звуков данный язык «позволяет» строить свои означающие, свои формы. Именно эти звуки слышат носители этого языка, именно эти звуки, с точки зрения носителей этого языка, они произносят. Это и есть, в первую очередь, фонемы, а также и их аллофоны.

По А.Н. Рудякову, основная единица фонетического строя языка – фонема – существует в трех различных формах:

1) как инвариантный семиотически рафинированный звук, который может быть описан как набор дифференциальных и интегральных признаков;

2) как ряд позиционно чередующихся звукотипов;

3) как множество звуков речи (фонем), реализующих эти звукотипы и эту фонему в индивидуальной речи [Рудяков 2012: 97–102].

Звук речи – это фонетическое единичное – уникальное сочетание коммуникативно значимых и ситуативно обусловленных характеристик. Языковая компетенция говорящего (слушающего) позволяет ему в речевом континууме выделить звукотипы: инвариантные звучания, являющиеся результатом абстрагирования от коммуникативно незначимых качеств.

Все бесконечное множество произнесенных и произносимых «звуков речи, подобно множеству горошин неправильной формы, будет распределено по тем «отверстиям сита» языковой компетенции носителя того или иного языка, которые соответствуют «природной» – акустико-артикуляторной – конфигурации разрешенных в данном языке звукотипов» [Рудяков 2012: 99]. По мнению У. Куайна, когда мы слушаем плохое пение, мы улавливаем подразумеваемую мелодию, соотнеся каждую фальшивую ноту с одной из двенадцати норм диатонической шкалы... Произнесение, попадающее между нормами, воспринимается как относящееся к ближайшей норме [Цит. по: Рудяков 2012: 99]. Важным является то обстоятельство, что открытие «новых» функциональных единиц изменяет представление о функциях «старых» единиц и элементов того или другого языка.

Вышеописанные положения действительны и для описания звуковой системы речи того или иного билингва, говорящего на L2, и «оправдания» допускаемых им произносительных «ошибок» в речи на L2. А именно: наблюдая за речью билингва на L2 (в нашем случае за немецкой речью русских, горных и луговых мари) на уровне индивидуальной речи, мы обнаруживаем реализацию той или иной немецкой фонемы в виде несчетного множества звуков, варьирующихся ситуативно, индивидуально и зависимо от артикуляторной и фонологической базы родного языка билингва.

Эти множества звуков в речи билингва на L2, т.е. в немецкой речи носителя русского, горного или лугового мари, представляют собой именно звукотипы, выполняющие функцию вариантов немецких фонем. И каждый из этих звукотипов является составной частью конкретной морфемы, вступая тем самым в семиотические отношения, свойственные немецкому языку. Таким образом, вариативность обусловлена индивидуальными особенностями произнесения в каждый данный момент. Под вариантностью же понимаем фундаментальное свойство способа существования и функционирования единиц языка и языковой системы в целом. Получается, что в немецкой речи русских и мари звуки, представляющие так называемые «отклонения» от нормы языка L2, могут быть представлены как звукотипы, выполняющие функцию вариантов немецких фонем.

В разделе 1.5. «Фонетические системы гласных немецкого, русского, горномарийского и лугомарийского языков» приводится сравнение фонетических систем изучаемых языков. Системы гласных немецкого, русского, горномарийского и лугомарийского языков насчитывают различное количество фонем. Так, в немецком языке насчитывается 16 (17 – при включении в состав гласных вокализованной фонемы *v*) гласных монофтонгов и 3 дифтонга, в

русском – 6 гласных, в горномарийском – 10 гласных (11 – при включении в состав гласных русского *ы*), в лугомарийском 8 (9 – при включении в состав гласных русского *ы*) гласных.

Четыре фонемы, а именно: гласные переднего ряда /i/, /e/ и гласные заднего ряда /u/ и /o/ занимают аналогичное место в системах всех четырех языков: немецком, русском, горномарийском и лугомарийском. Похожие на немецкие лабиализованные гласные переднего ряда /y/ и /ø/ имеются в горномарийском и лугомарийском языках. В русском, горномарийском и лугомарийском языках отсутствуют соответствующие фонемы немецкого языка /ɛ/, /ɛ:/, /œ/, /ə/.

Различие в составе фонем оказывает влияние и на характер фонемных противопоставлений гласных во всех сравниваемых языках. В немецком языке существует оппозиция по ряду для восьми пар фонем: /i: – u:/, /y: – u:/, /ɪ – ʊ /, /ʏ – ʊ/, /e: – o:/, /ø: – o:/, /ɛ – ə/, /œ – ə/. В русском языке по признаку ряда противопоставлены фонемы переднего, смешанного и заднего ряда: /i – u/, /e – o/, /i – ы/. В горномарийском языке противопоставлены фонемы переднего и заднего ряда: /i – u/, /y – u/, /ø – o/, /ə – ə/, /æ – a/. В лугомарийском языке существует оппозиция по признаку ряда между гласными переднего и заднего ряда: /i – u/, /y – u/, /ø – o/.

Лугомарийские передние гласные более отодвинуты назад, чем передние русские, а задние, наоборот, более продвинуты вперед по сравнению с русскими задними. В свою очередь, все гласные горномарийского языка, как передние, так и задние, более отодвинуты назад по сравнению с лугомарийскими гласными. При этом горномарийские задние более продвинуты вперед, чем задние русские [Викстрём, Зорина 2007].

По признаку подъема различаются все немецкие гласные, но при этом следует учитывать наличие специфичной для системы немецких гласных оппозиции по признаку долготы/краткость, которая обуславливает то, что краткие гласные различаются по трем ступеням подъема /ɪ – ɛ/, /ʏ – œ/, /œ – a/, а долгие – по четырем: /i: – e:/, /y: – ø:/, /u: – o:/, /o: – a:/; среди русских гласных имеется оппозиция для четырех пар: /i – e/, /e – a/, /ы – a/ и /u – o/; среди горномарийских – для семи пар фонем: /i – e/, /e – ə/, /ə – æ/, /y – ø/, /u – o/, /o – ə/, /ə – a/; среди лугомарийских – для пяти пар: /i – e/, /y – ø/, /u – o/, /o – ə/, /ə – a/.

При произнесении немецких гласных /i:/, /y:/, /ɪ/, /ʏ/, /u:/, /ʊ/ отмечается больший подъем языка к небу, чем при произношении русских и марийских гласных. Марийские же гласные, в свою очередь, произносятся с меньшим подъемом, чем русские. При этом большая часть горномарийских гласных произносится с меньшим подъемом спинки языка, чем лугомарийские гласные.

В немецком языке по признаку лабиализованный – нелабиализованный противопоставлены четыре пары фонем: /i: – y:/, /ɪ – ʏ/, /e: – ø:/, /ɛ – œ/, в русском – две пары: /i – u/ в зоне верхнего подъема и /e – o/ в зоне среднего подъема; в горномарийском и лугомарийском языках – две пары: /i–y/, /e – ø/.

Для немецкого языка характерна большая активность губ: губы при произнесении звуков в немецкой речи могут энергично выдвигаться вперед (при лабиализованных гласных), так и переходить в позицию большего растягивания в стороны (при артикуляции нелабиализованных гласных). Губы не напряжены и не

прижаты к зубам [Милюкова, Норк 2004: 19].

В русском языке губы так же не напряжены, но плотнее прикасаются к зубам, губы более растянуты. Губная артикуляция в русском языке значима только для гласных заднего ряда (/o/, /u/) [Бондарко, Вербицкая, Гордина 2004: 31]. Марийские губные гласные произносятся с очень слабым выдвижением губ [Бобкова 1974: 85; Бобкова 1975; Зорина 1998].

Оппозиция по признаку долгота/краткость имеет место лишь в немецком языке. Однако, гласные немецкого языка образуют оппозицию не только по признаку долгота/краткость, но и по признаку закрытость/открытость, сопровождаемому напряженностью/ненапряженностью гласного соответственно, то есть все долгие гласные (кроме /ɛ:/ и /ɑ:/) закрыты и напряжены, а все краткие гласные характеризуются открытостью и ненапряженностью. При этом гласные /ɪ/, /ʏ/, /ʊ/ более открытые, чем /i:/, /y:/, /u:/, но в то же время они более закрыты, чем /e:/, /ø:/, /o:/, тем самым занимая промежуточное положение между долгими гласными [Стериополо 1995]. Однако данную корреляцию длительность/качество нарушают гласные фонемы /ɛ:/ и /ɑ:/. Фонема /ɛ:/ является долгим открытым ненапряженным гласным, а фонема /ɑ:/ характеризуется как долгий открытый и напряженный гласный.

При характеристике системы гласных немецкого языка важную роль играет сильное/слабое примыкание (*der feste und lose Anschluß* по определению О. Есперсена) [Jespersen 1926: 63]. К немецким кратким гласным последующий согласный присоединяется в момент наиболее интенсивного их звучания; к немецким долгим гласным – свободно, в момент затухания интенсивности их звучания. Таким образом, оппозиция по долготе и краткости гласных фонем содержит в себе имплицитно признак сильного/слабого примыкания соответственно.

В целом, артикуляторные органы при произнесении немецких гласных более напряжены в противоположность относительно вялой артикуляции русского языка, для марийских же гласных характерна еще большая слабая («вялая») общая артикуляция [Зорина 1998: 326]. Следует отметить, что именно стабильность артикуляции немецких монофтонгов обуславливает отсутствие качественной разницы между ними в ударном и безударном положениях или в соседстве с другими гласными или согласными [Kohler 1995]. В немецком языке по общепринятому мнению имеется только количественная редукция безударных гласных (в безударном положении долгие гласные становятся полудолгими).

Среди рассматриваемых языков в количественном отношении меньше всего гласных фонем в русском языке, но их фонетическая вариативность больше. Так, шесть гласных фонем русского языка в речи носителя языка дают 250 аллофонов [Вербицкая 1965]. Гласные русского языка подвергаются сильным качественным и количественным изменениям под влиянием позиции, окружения и ударения. Эта вариативность может привести к тому, что в немецкой речи носителей русского языка гласные иногда могут заменяться теми или иными комбинаторными или позиционными оттенками русских гласных.

Последние инструментальные исследования [Бобкова 1974; Зорина 1998] показали, что в горномарийском и лугомарийском языках отсутствуют какие-либо

существенные качественные изменения в зависимости от позиции. Качество гласного так же почти не подвергается изменению в зависимости от окружающих согласных. Безударные гласные отличаются от соответствующих ударных фонем лишь сокращением длительности. Безударные гласные во всех позициях «полнозвучные», в их числе нет неполноартикулируемых и сверхкратких [Зорина 1998: 67].

Каждый язык – немецкий, русский, горномарийский и лугомарийский – имеет свою индивидуальную фонетическую систему и свои собственные внутренние закономерности, которые представляют собой исключительную базу. Свойства этой базы особым образом отражаются на уровне речепроизводства на L2. Свидетельством этого могут быть все различия в реализации той или иной фонемы в немецкой речи русских, горных и луговых мари.

Во **второй главе «Материал и методика экспериментального исследования»** описывается материал экспериментально-фонетического исследования, дается характеристика информантов, а также методов анализа экспериментального материала.

Материалом исследования послужили аудиозаписи немецкой речи информантов (русских, горных и луговых мари) по специальному тексту, составленному немецкими учеными для исследовательской и учебной работы, и начитанному носителем языка: профессионалом-диктором-женщиной, владеющей произносительной литературной нормой немецкого языка, речь которой не имеет дефектов произношения и диалектных оттенков. Кроме текста использовались аудиозаписи изолированно произнесенных немецких слов, также начитанных тем же диктором-женщиной.

Текст представляет собой монологическое единство, включающее все фонемы немецкого языка и основные интонационно-коммуникативные типы предложений. Текст является типичным с точки зрения слоговой представительности, по распределению ритмических структур, по средней длине слова, по употреблению гласных, с точки зрения типичности морфемных структур словоформ разных частей речи.

Объем материала исследования составляет 180 фраз и 105 изолированно произнесенных слов, что в нормативной транскрипции насчитывает 974 слога, 402 ударных гласных, 789 безударных гласных.

Подбор информантов – русских и мари – осуществлялся для нашего исследования с учетом возраста, образования, пола (женский пол), уровня владения немецким языком, отсутствия дефектов произношения. Выбор информантов (женский голос) связан с гендерной ситуацией, сложившейся в институте национальной культуры и межкультурной коммуникации, а именно: здесь практически нет юношей.

Информантами выступили русские, горные и луговые мари – студенты III–IV курсов в возрасте 20–21 года направлений «Международные отношения», «Реклама и связи с общественностью», «Документоведение и архивоведение» института национальной культуры и межкультурной коммуникации со сроком обучения 4 года, изучающие немецкий язык в качестве второго иностранного систематически в течение двух и трех лет соответственно (в объеме шести–

восемью часами в неделю), не имеющие дефектов произношения. Все информанты русские и мари владеют немецкой речью, соответствующей уровню координативного билингвизма, изъясняются на немецком языке в ситуации общения с носителем немецкого языка. Каждая группа испытуемых включала десять информантов – носителей русского, горномарийского и лугомарийского языков.

В работе использовано следующее условное обозначение групп информантов: Н – немецкий диктор; ГМ – горные мари; ЛМ – луговые мари; РМ – русские, проживающие в Республике Марий Эл.

Цифровая запись информантов осуществлялась в Лаборатории прикладной и экспериментальной лингвистики Марийского государственного университета с помощью микрофона МН-6. Обработка материала проводилась методом слухового, статистического, спектрального и инструментального анализа с применением компьютерной программы PRAAT при постоянной консультации опытных фонетистов. В языковом паспорте каждого информанта отмечались все практические реализации того или иного звука, свойственные данному информанту. По данным языкового паспорта составлялись сводные таблицы практических реализаций по каждому информанту и по каждой группе. Общая картина отклонений от произносительной нормы, характерная для той или иной группы информантов, представлена в виде сводных таблиц.

Третья глава «Реализация гласных в немецкой речи русских и мари» представляет собой анализ практических реализаций гласных в различных позициях в немецкой речи русских, горных и луговых мари. Реализация немецких гласных рассматривалась во всевозможных типах слогов в ударных и безударных позициях: открытом слоге, состоящем из одного гласного V; открытом слоге типа CV; закрытом слоге типа VC и CVC; условно-закрытом слоге типа CVC.

В разделе 3.1. «Реализация немецких гласных русскоязычными информантами» приводятся данные слухового анализа немецкой речи русских. Так, во всей группе нелабиализованных гласных переднего ряда в ударных слогах относительно лучше реализуется гласный [i:]. Возможно, это происходит из-за более или менее определенного, однотипного с немецким места артикуляции русского [i] как гласного переднего ряда высокого подъема. Реализация долгого [e:] «хуже», чем реализация долгого [i:] и отмечена лишь в 13 % от общего числа теоретически возможных. Реализация долгого [ε:] и краткого [ε] для русских, по-видимому, является трудной, чем и вызван большой процент отклонений в реализации этих гласных.

Реализация безударных нелабиализованных гласных переднего ряда в немецкой речи носителей русского языка происходит со значительными отклонениями от нормы независимо от характера (открытости, закрытости) слога.

Общий процент отклонения по всем типам слогов в ударных и безударных позициях составил 83 %.

Реализация русскими немецких лабиализованных гласных переднего ряда /y:, y, ø:, œ/ свидетельствует об относительно «хорошем» произнесении гласного [y:] – в 35 % случаев русские реализуют его в соответствии с нормой; гласный [œ] – в 47 %. «Хуже» реализуется гласный [ø:] – лишь в 21 % всех случаев отмечается

его реализация, соответствующая норме. Затруднения вызывает реализация краткого гласного [ʏ] (23 % реализаций в соответствии с нормой), что, вероятно, связано с краткостью и отрывистостью его произнесения.

Немецкие лабиализованные гласные переднего ряда /y:, ʏ/ в безударных слогах типа CV и CVC имеют приблизительно такой же процент отклонений, как и в соответствующих ударных слогах, т.е. качество реализаций не зависит от типа слога.

Общий процент отклонений составил 78 %.

По данным слухового анализа при реализации немецких гласных заднего ряда информантами РМ наблюдается тенденция по замене гласных немецкого языка гласными родного языка, в том числе и дифтонгоидными, что может свидетельствовать об отсутствии стабильности артикуляции при реализации гласных [u:], [ʊ], [o:], [ɔ].

Безударные немецкие гласные реализуются русскими «плохо»: процент реализаций, близких к немецкой произносительной норме, – всего 2.

В целом, русским информантам свойственна ненормативная реализация всех немецких гласных заднего ряда. Высокая степень отклонений от нормативного произношения объясняется, по-видимому, тем, что русским сложнее дифференцировать артикуляцию немецких заднеязычных гласных. Кроме того, более широкий диапазон подъема спинки языка в немецком языке и отсутствие противопоставления долгих и кратких /u: – ʊ/, /o: – ɔ/ в русском языке так же влияют на качество реализации информантами группы РМ немецких гласных. Общий процент отклонений составил 92 %.

Слуховой анализ реализации немецких гласных смешанного ряда показал, что русские информанты заменяют стабильные, однородные по своему характеру звучания немецкие гласные [ɑ:] и [a] гласным русского языка [a_р].

В безударных слогах информанты группы РМ еще чаще заменяют гласные немецкого языка [ɑ:] и [a] гласным родного языка [a_р]. Немецкое вокализованное [ɐ] на месте орфографического **er** реализуется РМ в 88 %, а в 12 % как полнозвучное [er]. Русским информантам удается реализация редуцированного немецкого [ə] – в 84 % случаев, что возможно связано с тем, что немецкий «*Murmellaut*» [ə] по своей артикуляции и тембру близок русскому редуцированному звуку [ь] в безударном слоге слова «*подучил*» [pʁdu'çil].

Итак, в реализации гласных смешанного ряда независимо от типа слога наблюдается замена немецких гласных типичными для русского языка гласными первой и второй степени редукции. В целом, носители русского языка допускают 88 % отклонений от нормы немецкого языка.

В немецкой речи русских дикторов отмечено наличие большого числа отклонений – 86 %, что может свидетельствовать об отсутствии качественного усвоения русскими немецкой артикуляционной базы. В немецкой речи информантов группы РМ наблюдается частая замена гласных немецкого языка гласными русского языка в открытых и закрытых слогах. Особенно ярко это явление проявляется в безударных слогах, что, по-видимому, связано с наличием редукции гласных в данной позиции в русском языке. Кроме того, у русских

информантов отсутствует стабильность уклада органов артикуляции при реализации немецких гласных в безударных слогах.

В разделе 3.2. «Реализация немецких гласных горными мари» представлены данные слухового анализа немецкой речи горных мари. При реализации немецких гласных переднего ряда /i:, e:, ε:, ε/ горными мари выявлено, что относительно «хорошо» среди нелабиализованных гласных переднего ряда реализуется гласный [i:]. У информантов ГМ открытое долгое [ε:] и краткое [ε] ассоциируются, по-видимому, с родным [æ_г]. В связи с этим и происходит замена немецких звуков [ε:] и [ε] во всех типах слогов в среднем в 64 % случаев.

Следует отметить, что информанты ГМ соблюдают долготу при реализации ударных долгих нелабиализованных немецких гласных переднего ряда, что может быть связано с тем, что компонентом ударения горномарийских гласных является как длительность, так и возможен определенный тип движения частоты основного тона, а именно: ударные гласные горномарийского языка характеризуются повышающимся типом движения частоты основного тона по сравнению с безударными гласными [Зорина 1982: 96].

Реализация безударных нелабиализованных гласных переднего ряда в немецкой речи носителей горномарийского языка свидетельствует о «чуть ниже средней» способности горных мари реализовать немецкие нелабиализованные гласные переднего ряда.

Общий процент отклонений среди нелабиализованных гласных переднего ряда составляет 67 %.

По результатам слухового анализа немецких лабиализованных гласных переднего ряда /y:, y, ø:, œ/ относительно «хорошо» реализуется немецкое открытое краткое [œ] – в 52 % случаев отмечается нормативное произношение; закрытое [ø:] – 37 % реализаций в соответствии с нормой, но при этом не всегда соблюдается его долгота; закрытое немецкое [y:] – 35 % нормативных реализаций; открытое [y] – 31 % соответствий норме немецкого произношения.

В безударной позиции немецкие лабиализованные гласные переднего ряда были реализованы как соответствующие звуки горномарийского языка, что подтверждается наличием 100 % отклонений от немецкой произносительной нормы. Причина данного отклонения заключается, по всей вероятности, в акустической схожести данных гласных в исследуемых языках. В горномарийском языке есть буквы **ö, ü, ä**, которые, по-видимому, оказывают влияние на восприятие горными мари гласных **ö, ü, ä** немецкого языка.

В целом, горные мари заменяют немецкие лабиализованные гласные переднего ряда соответствующими гласными горномарийского языка в 73 % случаев.

При реализации ударных гласных заднего ряда горные мари заменяют гласные немецкого языка соответствующими гласными родного языка. Относительно «правильно» горные мари реализуют гласный [o:] – 35 % случаев нормативной реализации; гласный [u:] и гласный [ɔ] – 31 % случаев; несколько «хуже» – гласный [ɒ] – 26 % случаев.

Горные мари в своей немецкой речи заменяют безударные гласные заднего ряда своими родными звуками.

Ударные гласные немецкого языка удаются в реализации лучше, чем безударные. Среди всех гласных наиболее сложным для реализации в немецкой речи горных мари является немецкий ударный гласный [ʊ] и немецкий безударный гласный [u:]. Общий процент отклонений по гласным заднего ряда составил 72 %.

Среди ударных гласных смешанного ряда горные мари соблюдают норму немецкого языка при реализации долгого немецкого [ɑ:] в 35% случаев, краткого [a] – в 39 % случаев. Вероятно, более краткий характер звучания краткого немецкого [a] несколько упрощает его реализацию в речи горных мари.

Общий процент отклонений по группе ударных и безударных гласных смешанного ряда составил 84 %. Отклонения имеют общий характер замены немецких гласных смешанного ряда соответствующими горномарийскими гласными.

В целом, при реализации гласных немецкого языка информантами группы ГМ отмечается 74 % случаев отклонений от нормативного произношения. В большинстве случаев горные мари заменяют гласные немецкого языка гласными горномарийского языка, что обусловлено разным набором артикуляторных привычек горных мари в родном и немецком языках. Кроме того, испытуемые ГМ в некоторых случаях реализуют немецкие звуки, но при этом не соблюдают долготу и краткость немецких гласных, имеющих смысловоразличительное значение. Испытуемые горные мари умеют «лучше» дифференцировать немецкие гласные в слогах открытого и закрытого типа, чем носители русского языка.

Наиболее трудными для информантов ГМ в плане реализации являются немецкие гласные смешанного ряда долгое [ɑ:] и краткое [a] – 84 % случаев отклонений от нормы. Относительно «хорошо» они реализуют немецкие нелабиализованные гласные переднего ряда – 67 % случаев отклонений от нормы. В случае реализации лабиализованных гласных переднего и заднего ряда процент отклонений приблизительно одинаковый – 73 % и 74 % соответственно. Вместе с тем, несмотря на относительно «плохое» произношение, немецкая речь горных мари является более понятной носителю немецкого языка, чем немецкая речь русских дикторов.

В разделе 3.3. «Реализация немецких гласных луговыми мари» рассмотрена немецкая речь луговых мари. Информантам луговым мари в потоке немецкой речи относительно «хорошо» удается реализация немецких лабиализованных гласных переднего ряда – 82 % случаев отклонений от нормы. Несколько «хуже» они реализуют нелабиализованные гласные переднего ряда, что отражается в большем количестве отклонений от немецкой произносительной нормы – 86 %. Гласные заднего и смешанного ряда вызывают у луговых мари большие трудности в реализации, о чем свидетельствует процент отклонений 88 % и 92 % соответственно.

В целом, луговые мари заменяют все гласные немецкого языка соответствующими лугомарийскими гласными в 87 % случаев. Возможно, это связано с тем, что луговыми мари, в отличие от горных, практически полностью усвоена фонетическая система русского языка [Зорина 1998], поэтому в немецкой

речи луговых мари встречается такой большой процент отклонений от нормы по сравнению с немецкой речью горных мари.

Сравнение реализаций немецких гласных русскими и мари показало:

1. Для всех групп информантов в большинстве случаев свойственна ненормативная реализация немецких гласных. Слуховой анализ показал значительные отклонения от нормативного произношения как ударных, так и безударных гласных в немецкой речи русских и мари. Типичной ошибкой при реализации немецких гласных русскими и мари является замена немецких гласных звуками родного языка.

2. Относительно «лучше всех» реализуют немецкие гласные носители горномарийского языка (74 % случаев отклонений от немецкой произносительной нормы).

3. Относительно «хуже всех» реализуют немецкие гласные носители лугомарийского языка (87 % случаев отклонений) и носители русского языка (86 % случаев отклонений).

В четвертой главе «**Акустические характеристики ударных гласных в немецкой речи русских и мари**» приводятся спектральные картины немецких слов в женском произнесении носителей немецкого, русского, горномарийского и лугомарийского языков. В работе описанию подвергались спектральные картины гласных, а именно: стационарный участок, соответствующий артикуляционной выдержке. Естественно, спектральные характеристики могут зависеть от артикуляционных признаков его соседей, хотя в реальной речи вариативность акустических свойств звуков не исчерпывается контекстными влияниями. Степень варьирования спектральных картин гласных гораздо больше, чем у согласных. Однако то, что гласные могут быть легко произнесены вне контекста, дает возможность выявить идеализированную F-картину. В связи с этим переходные артикуляционные состояния, совмещающие черты конечной и начальной фаз соседних звуков, нами отдельно не рассматривались.

Данные акустического анализа немецкой речи русских, горных и луговых мари, в целом, подтверждают и уточняют результаты, полученные в ходе слухового анализа. Артикуляция подчинена достижению акустико-слуховых целей. При этом наблюдается «схожесть» гласных родного и неродного языка по некоторым акустическим (артикуляторным) признакам. Ошибки носителей русского, горномарийского, лугомарийского языков при реализации немецких гласных объясняются так называемой «артикуляционной редукцией» – недостижением речевыми органами целевого состояния, требуемого немецким звуком. Недостижение артикуляционной цели приводит к недостижению целевого акустического эффекта.

В подавляющем большинстве случаев реализация гласных в немецкой речи русских и мари имеет характер ненормативного произношения. Информанты русские и мари в своей немецкой речи могут использовать как варианты фонем – звуки родного языка, звуки, соответствующие немецкой произносительной норме, и звукотипы, характеризующиеся соблюдением одного из артикуляторных признаков немецких фонем (подъема или ряда), представляющие вариативность звуков того или иного языка.

Языковая компетенция билингва позволяет ему в речевом континууме выделить звукотипы: инвариантные звучания, являющиеся результатом абстрагирования от коммуникативно незначимых качеств.

В ходе спектрального анализа были выявлены следующие закономерности:

1. Чем меньше различаются контактные языки L1 (родной) и L2 (неродной) по количеству фонем (в нашем случае – по количеству гласных), тем меньше фонетических ошибок совершают информанты при усвоении L2 (неродного языка). В нашем исследовании носители горномарийского языка совершают меньше ошибок при реализации немецких гласных, чем русские и луговые мари: в горномарийском языке насчитывается 10 (11 – при включении в состав гласных русского *ы*) гласных, в немецком – 16 (17) гласных.

Гласные русского и лугомарийского языка близки друг к другу акустически, тем самым и артикуляторно [Зорина 1998], что, очевидно, стало причиной одинакового процента отклонений при реализации немецких гласных информантами русскими и луговыми мари.

2. Акустически «близкие» гласные (расположенные относительно близко в акустическом треугольнике/трапеции), которые существуют в родном (L1) и неродном (L2) языках, обучающиеся – носители L1 – дифференцируют и реализуют лучше, чем акустически «далекие» гласные, что подтверждается относительно «лучшей» реализацией немецких гласных носителями горномарийского языка и очень «плохой» реализацией немецких гласных русскими и луговыми мари.

В **заключении** подводится итог проделанной работы, формулируются общие выводы исследования, намечаются перспективы дальнейшей работы в заявленном направлении. Исследование может быть продолжено в плане изучения реализации гласных в речи русских немцев, проживающих на территории Республики Марий Эл, вопроса о возможности рассмотрения специфического «национального» варианта разговорной разновидности немецкого языка или о возникновении нового языкового образования «билингвалект» как одного из региональных, национальных (в зависимости от того или иного языка, вступающего в контакт с немецким) вариантов немецкого языка.

Основные положения диссертации получили освещение в следующих публикациях:

Публикации в изданиях, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией РФ:

1. Салтуганова Д.А. Акустические характеристики ударных нелабиализованных гласных переднего ряда в немецкой речи русских и мари / Д.А. Салтуганова // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/113-11755> (дата обращения: 20.01.2014). – 0,53 п.л.

2. Салтуганова Д.А. Немецкая речь горных мари (реализация ударных нелабиализованных гласных смешанного ряда) / Д.А. Салтуганова // Казанская наука. – №1. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2014. – С. 148–151. – 0,22 п.л.

3. Салтуганова Д.А. Произнесение ударных лабиализованных гласных заднего ряда в немецкой речи горных и луговых мари / Д.А. Салтуганова // Финно-угорский мир. – Киров, 2014. – № 1. – С. 17–21. – 0,34 п.л.

Публикации в сборниках научных трудов и материалах научных конференций:

4. Салтуганова Д.А. Изучение немецкого языка как иностранного в условиях русско-немецкого билингвизма / Д.А. Салтуганова // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: материалы XIII международной научно-практической конференции 21–22 декабря 2012 г. В 2 т.: т. I / Науч.-инф. издат. центр Институт стратегических исследований. – Москва: Изд-во Спецкнига, 2012. – С. 434–436. – 0,16 п.л.

5. Салтуганова Д.А. Особенности артикуляции нелабиализованных гласных переднего ряда немецкого, русского и марийских языков / З.Г. Зорина, Д.А. Салтуганова // Сборник научных трудов SWorld. Материалы международной научно-практической конференции «Современные направления теоретических и прикладных исследований 2013». – Выпуск 1. Том 24. – Одесса: КУПРИЕНКО, 2013. – С. 43–49. – 0,43 п.л. (в соавторстве, лично автором 0,33 п.л.)

6. Салтуганова Д.А. Особенности немецкой произносительной нормы / Д.А. Салтуганова // Модернизация системы образования в области международных отношений, иностранных языков, связей с общественностью, документоведения и документационного обеспечения управления: материалы Всероссийской и IX Региональной научно-практических конференций по итогам научно-исследовательской работы за 2012 год / Мар. гос. ун-т; под общ. ред. д-ра филол. наук, проф. З.Г. Зориной. – Йошкар-Ола, 2013. – С. 14–18. – 0,21 п.л.

7. Салтуганова Д.А. Акустические характеристики в описании немецкой речи русских и мари / Д.А. Салтуганова // Проблемы общего языкознания и когнитивной лингвистики: сб. науч. ст. / Чуваш. гос. пед. ун-т; отв. ред. Н.В. Кормилина, Н.Ю. Шугаева. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2013. – С. 60–65. – 0,31 п.л.

8. Салтуганова Д.А. Факторы, влияющие на формирование немецкого произношения у русских и мари / Д.А. Салтуганова // Развитие студенческих сообществ в современных условиях: материалы Первого Международного финно-угорского студенческого форума (26 апреля 2013 года) / Мар. гос. ун-т; АФФУ; науч. ред.: Р.А. Кудрявцева, Г.Е. Шкалина. – Йошкар-Ола, 2013. – С. 159–162. – 0,25 п.л.

9. Салтуганова Д.А. Слоговая структура слова в немецком и марийских языках / Д.А. Салтуганова // Актуальные проблемы романо-германской филологии и преподавания европейских языков в школе и вузе: материалы III Международной научно-практической конференции / Мар. гос. ун-т; под ред. Ф.Я. Хабибуллиной. – Йошкар-Ола, 2014. – С. 136–143. – 0,33 п.л.